

УДК 271.2:27-725(470.2)

**ФОРМИРОВАНИЕ КЛИРА: ПРИНЦИПЫ ПОДБОРА
БЕЛОГО ДУХОВЕНСТВА В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ)**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены основные закономерности подбора клириков на территории Олонецкой епархии в XVIII – начале XX вв. Выявлено, что на протяжении значительной части изучаемого периода за прихожанами сохранялось древнее право выбора духовенства. Миряне имели подробные сведения о наличии у них такого рода полномочий и при необходимости решительно отстаивали свои законные права, обращаясь в высшие церковно-административные инстанции (Синод). Начиная с первых десятилетий XIX в. ситуация радикально поменялась. На смену избранию духовенства пришло назначение церковников в приходы без учета мнений прихожан. В изменившейся реальности прихожане сохраняли за собой заметные возможности всестороннего контроля над своими пастырями.

Ключевые слова: приход, Церковь, клир, духовенство, верующие, религия, община, священник, образование.

**FORMATION OF CLERGY: PRINCIPLES OF SELECTION
OF WHITE CLERGY IN THE 18TH AND EARLY 20TH CENTURIES
(BASED ON THE MATERIALS OF THE OLONETS DIOCESE)**

Pulkin M.V.

The paper examines the main patterns of the selection of clergy in the territory of the Olonets diocese in the 18th and early 20th centuries. It has been revealed that for a significant part of the period under study, parishioners retained the ancient right to choose the clergy. The laity had detailed information about the existence of such powers and, if necessary, resolutely defended their legitimate rights by appealing to the highest church administrative authorities (the Synod). The situation has changed radically since the first decades of the 19th century. The election of clergy was

replaced by the appointment of churchmen to parishes without taking into account the opinions of parishioners. In the changed reality, parishioners retained significant opportunities for comprehensive control over their pastors.

Keywords: parish, Church, clergy, priesthood, believers, religion, community, priest, education.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН по теме «Культурное наследие и исторический опыт Карелии и сопредельных регионов: новые подходы и интерпретации» (2024-2026) 124022000029-0.

В XVIII в. древняя приходская традиция выборов духовенства подкреплялась авторитетным словом Духовного регламента. Петровское законодательство оставляло за прихожанами широкие права в подборе кандидатов на священно- и церковнослужительские должности. Именно миряне в соответствии с законом должны были определить, что претендент на место в составе клира «человек жития доброго и неподозрительного, а именно: не пьяница, в домостроении своем не ленивый, не клеветник, не сварливый, не любодеец, не бийца (т.е. не тот, кто бьет, склонный к дракам – М.П.), в воровстве и обмане не обличенный» [10, с. 95]. Анализируя Духовный регламент, А.А. Папков приходит к выводу о том, что «в царствование Петра Великого <...> прихожане, имея своего представителя в лице церковного старосты, продолжали пользоваться древним правом избрания своих священно- и церковнослужителей» [31, с. 13]. Более позднее церковное законодательство содержит аналогичные простые требования к кандидатам на священнические должности. В «священном чине» не могли находиться «предающиеся пьянству», «обличенные в блуде», убийцы, «даже невольные», и вообще все, «запятнавшие себя тяжкими грехопадениями» [16, с. 33].

Новые черты в процессе формирования клира связаны с законодательной регламентацией. На протяжении всего изучаемого периода постепенно

повышались требования к подготовке духовенства. Первым этапом стал Духовный регламент, который предоставлял преимущества при распределении церковных должностей тем кандидатам, которые имели дипломы учебных заведений (семинарий). Позднее проблему образовательного ценза разработали в законодательстве более подробно. Одновременно законодатель ограничивал переход из духовенства в податные сословия. Указ 1722 г. предписывал «в подушной оклад не класть» тех «действительно служащих попов и причетников, которые «мест себе праздных нигде получить вскоре не возмогут» [54, с. 756-757]. К середине столетия прекратился приток в духовенство выходцев из иных сословий. Согласно решению конференции Сената и Синода, состоявшейся 23 декабря 1754 г., в сословии оставалось штатное духовенство с детьми. Выходцы из податных сословий из духовного сословия изгонялись, за исключением священников и дьяконов с детьми, родившимися до получения чинов отцами [53, с. 103-104].

Постепенно прихожане лишались права самостоятельно определять необходимое число священнослужителей в приходе: вводились штаты. Обратившись к животрепещущей проблеме обустройства жизни Церкви, правительство Екатерины II потребовало от Синода заново разделить все епархии на приходы, «с тем, чтобы на каждый приход приходилось более или менее одинаковое количество прихожан» [26, с. 216]. По новым штатам 1778 г. предполагалось, что приход в 100-200 дворов будет окормлять один священник. Заметно уменьшалось и количество причетников [51, с. 753]. В XIX в. порядок учета прихожан изменился. В приходах с числом духовенства менее 700 человек полагалось быть священнику и псаломщику. Если в приходе имелось более указанного выше числа душ, то в составе причта мог находиться дьякон [16, с. 110]. Правительственные меры в различной степени влияли на приходское самоуправление. Невозможно игнорировать законодательную отмену перехода в состав духовенства лиц из иных сословий или прекращение действия той части Духовного регламента, которая давала право прихожанам избирать священно- и церковнослужителей. Прочие запреты нередко

нарушались. Имеющийся в моем распоряжении материал позволяет рассмотреть все формы ограничения выборного начала в приходской жизни.

Введение в XVIII в. образовательного ценза при заполнении вакансий при церквях как фактор, ограничивший права прихожан, наиболее развернуто представлен А.В. Карташовым: «школа побеждала старый порядок. Раз школьным меркам подчинялись сами наследственные искатели мест, то само собой понятно, становились тенью прошлого и продолжавшие еще фигурировать так называемые "заручные челобитья", т.е. прошения с подписями, сопровождавшие личные прошения квалифицированных школой искателей мест» [21, с. 512]. Такие выводы применимы не к каждой епархии. В Олонецкой, например, критерий образованности при подборе клира не мог быть введен в действие по той простой причине, что значительной прослойки подготовленных священно- и церковнослужителей здесь в течение XVIII – начала XIX вв. так и не возникло. Как и повсюду в России, «дети духовенства с малолетства обучались своими родителями не только грамоте, но и все другим премудростям церковной службы» [15, с. 241]. Наиболее ранние сведения об обучении детей духовенства содержатся в «Ведомости Новгородского архиерейского дома о школах и бывших в 1740 г. учениках» [5, с. 231-232]. По данным «Ведомости», в Новгороде обучалось 13 учеников-выходцев из Олонецкого уезда. Новгородские наставники олонецких поповичей столкнулись с немалыми трудностями. Как видно из указа Новгородской духовной консистории, в 1751 г. в Александро-Свирский монастырь был отправлен «поповский сын» Михаил Калинин, который «к учению явился крайне неспособен, понеже не токмо латинского языка учиться, но и по-русски читать весьма мало может» [45, л. 19].

Консистория требовала обучать бывших семинаристов «русской грамоте, також церковного круга читать, и писать, и петь» в Александро-Свирском монастыре. По окончании курса наук, согласно указу, следовало «представить их в реченную консисторию при доношении». Такая ситуация вовсе не была уникальной: латинское обучение, практиковавшееся в ряде семинарий России,

повсюду вызывало «скуку и скорбь» [2, с. 32]. Начиная с петровских времен, в XVIII в. для организации обучения детей духовенства применялись репрессивные, жесткие меры [1, с. 229]. После образования в 1764 г. Олонецкого викариатства возник вопрос об открытии семинарии при Александро-Свирском монастыре – резиденции епископа Олонецкого и Каргопольского [49, л. 5]. В 1779 г. на учебные цели были выделены казенные средства [18, с. 868]. К 1781 г. семинарию оснастили всем необходимым [17, с. 63]. Но набор учеников сильно затруднялся. В России XVIII – начала XIX вв. «обучение в церковных школах детей духовенства было обязательным и потому принудительным». Иногда учеников набирали силой «под угрозой острога, рекрутчины, наказаний». Убегавших разыскивали и «приводили на уроки даже в кандалах», но остановить побег учеников не удавалось [7, с. 43].

В Олонецкой епархии дело не доходило до столь суровых мер, но и здесь существовали проблемы с набором семинаристов. При отсутствии конкуренции со стороны обладателей школьных дипломов дети священно- и церковнослужителей вовсе не стремились пройти курс наук, предпочитая по-прежнему обучаться «при отцах своих». Сами отцы тоже не желали расставаться с сыновьями-работниками. Пришлось пойти на крайние меры. В 1781 г. Олонецкая духовная консистория разослала поповским старостам «понудительные указы», в которых предписывалось немедленно «учинить высылку» всем потенциальным семинаристам. Каждый мальчик – сын священно- или церковнослужителя – от 9 до 14 лет, «невзирая на рабочую пору», должен был явиться в семинарию. Далее в указе говорилось: «за их слушание отцов <...> обязать наистрожайшими подписками, чтоб по прошествии трех дней непременно отец сына вел» [47, л. 184].

В 1784 г. семинария по невыясненным причинам сгорела и впоследствии не восстанавливалась [17, с. 65]. Вскоре, в 1789 г., Олонецкая епархия была соединена с Архангельской, в которой имелась своя семинария [52, с. 124-125]. Представление об уровне образования олонечкого духовенства на рубеже XVIII-XIX вв. дает клировая ведомость [22, л. 1-64, об.], составленная в 1811 г.

Лишь 4 клирика из 168-ми, о которых сохранились сведения, учились в Новгородской или Архангельской семинариях. Сказанное не означает, что духовенство в XVIII в. оставалось совсем без образования. Кандидаты на должности в составе клира проходили подготовку при резиденции епископа. Основной курс наук они одолевали дома. Источники сохранили отрывочные сведения по данному вопросу. Дьячков сын Иван Ерофеев в 1788 г. представил в Синод прошение, в котором заявлял, что прихожане Ильинской церкви Салменижской волости выбрали его на место престарелого отца. «По резолюции Преосвященного» он был «призван к слушанию» и оказался «в книжном чтении исправным». «По незнанию ж нотного пения обучен оному в Свирском монастыре» [38, л. 33]. В некоторых случаях сами прихожане отвергали тех кандидатов на должности в составе клира, которые не обладали минимально необходимыми для благолепного богослужения навыками. Крестьяне Кижского прихода в 1795 г. «выбрали во священника по благоповедению» дьячка Петра Иванова». Но оказалось, что вместо него «стремится желанием поместиться» пономарь Яндомозерского прихода Илья Петров. Его кандидатуру крестьяне требовали отклонить, «поскольку он, Петров, по незрелому изучению в грамоте худо читать умеет, а петь и вовсе не знает, почему и не может быть в управлении крылоса надежным» [39, л. 2].

При недостатке священников, прошедших подготовку в духовных учебных заведениях, обладатели дипломов в XVIII, а отчасти и в XIX в. не могли составить серьезную конкуренцию тем, кто не имел никакого образования, кроме домашнего. Такова общероссийская тенденция, сохранившаяся и в начале XX в. Однако административное ограничение прав прихожан не всегда обуславливалось требованиями к образованности духовенства. Наступление на крестьянские прерогативы могло, например, базироваться на личных симпатиях владыки. Свою роль могло сыграть аристократическое пренебрежение архиерея к «мужикам». На первый взгляд, любой российский епископ в XVIII в. мог последовать примеру своего современника, митрополита Московского Платона, который настоятельно

рекомендовал крестьянам «орать да пахать» и не вмешиваться в деликатные вопросы церковного управления [26, с. 212]. Правовая база для такого поведения имелась. Духовный регламент предоставил епископу не меньшие, чем прихожанам, права в подборе кандидатов на священно- и церковнослужительские должности. Рукоположению предшествовал экзамен. На основании результатов, иногда вопреки воле прихожан, решалась судьба будущего священника. Такой порядок создавал для архиереев возможность произвола по отношению к кандидатам на должности в составе клира. Оценивая ситуацию, Н.Д. Зольникова пишет: «Массовый архивный материал показывает, как мало сибирские архиереи и сами искатели духовных чинów во второй половине XVIII в. обращали внимание на мнение конфессиональной общины» [14, с. 151]. В пользу такого утверждения свидетельствуют указы Новгородской духовной консистории. В 1755 г. она распорядилась «в городе Олонце и в Олонецком уезде все святые церкви священно- и церковнослужителями надлежащим числом удовлетворять всеконечно» [44, л. 14]. В 1781 г. аналогичное распоряжение поступило в адрес олонецкого епископа из Синода. Архиерей должен был «об определении к праздным церквам священно- и церковнослужителей приложить неотменное старание» [47, л. 5]. Указы явно толкали епископа на решительные меры. Упоминания об учете мнения прихожан в документах отсутствовали.

Но в то же время Синод, поддерживая прихожан в споре с епископом, распорядился в 1782 г., как видно из указа, «предписать об учинении о сем в епархии своей строгого предупреждения, дабы впредь приказов ни от кого никуда посылаемо не было». Выбор священно- и церковнослужителей следовало всегда оставлять «на произвольное и непринужденное избрание», осуществляемое прихожанами [50, л. 6]. Руководствоваться такими противоречивыми предписаниями непросто. Положение епархиального архиерея становилось не только затруднительным, но и двойственным. С одной стороны, духовные власти стремились опереться на приходские традиции – в тех случаях, когда крестьяне проявляли заинтересованность в скорейшем

начале богослужения и сами энергично занимались подбором духовенства. С другой – архиерей прибегал к административным мерам. Они явно шли вразрез с Духовным регламентом, но позволяли быстрее заполнить вакансии при церквях. Выбор духовенства оставался на протяжении всего XVIII в. привилегией прихожан. Архиереи признавали за «мирскими людьми» такие права и довольно часто апеллировали к ним.

Логическим следствием права избрания стала возможность «перемены» духовенства. Практика русской церкви «вплоть до настоящего столетия не представляет ни одного случая, когда бы церковная власть считала дозволенным снятие сана по просьбе недовольного своим положением священнослужителя» [41, с. 126]. Однако прихожане Олонецкой епархии весьма суровыми мерами добивались изгнания неугодных им священников. В числе причин отказа представленным крестьянами кандидатам – невозможность полноценного обеспечения клира. В 1779 г., как видно из указа консистории, епископ Олонецкий и Каргопольский Иоанний отказался «произвести во священника» дьякона Федула Михайлова. Поводом послужило «малоземелие». Прихожанам Задней Салменижской выставки церкви Илии Пророка пришлось представить в консисторию письменное обязательство «удовольствоваться» священника и причт дополнительным содержанием в виде зерна и денег [27, л. 1; 46, л. 1]. Такого рода решения и обещания прихожан становились заметным средством поддержания приходской автономии.

Натиск на приходские свободы со стороны епископа вовсе не был единственным фактором, ограничивающим свободу прихожан в вопросах формирования клира. Не меньшее значение имели традиции, в течение веков сформировавшиеся в среде самого духовенства. П.В. Знаменский подчеркивает остроту проблемы: «борьба выборного порядка с наследственным перешла в XVIII в. в самом разгаре». Поборники того и другого «действовали еще со свежей страстностью и неуходившейся энергией». Она «не допускала никаких уступок и благоразумных усилий уравновесить интересы сторон» [13, с. 39]. Другой историк Церкви, Н. Руновский, полагал, что духовенство нередко

смотрело на свое служение «как на наследственное ремесло» [41, с. 17]. Еще более однообразная картина повсеместного господства консервативного порядка наследования священно- и церковнослужительских мест открылась авторам коллективной монографии «Русское православие: вехи истории». Они полагали, что «формально до конца XVIII в. за прихожанами оставалось право выбора священника». Но по сути дела «оно сводилось лишь к простому оформлению перехода служительской должности от отца к сыну» [42, с. 289]. Современные исследователи церковной истории указывают на аналогичные закономерности. После отмены выборности духовенства «священнические должности передавались только по наследству, – как правило, старшему сыну, обязанному закончить духовную семинарию» [55, с. 36]. Данные клировых ведомостей показывают, что традиция наследования священно- и церковнослужительских мест в Олонецкой епархии оставалась слабо развитой. За период с 1766 по 1799 гг. «на место отца своего» произведены 9 из 55 священников, 1 из 18 дьяконов, 4 из 46 пономарей, 4 из 49 дьячков или, в целом, 18 из 168 священно- и церковнослужителей, о которых сохранились сведения [22, л. 1-65]. Традиционный порядок передачи мест по наследству не слишком глубоко укоренился в Олонецкой епархии. Предстоит выяснить: противоречил ли он приходским свободам?

В новейших исследованиях проявляется здравая мысль о том, что наследование мест не стало явным посягательством на права прихожан, а наоборот, духовно сближало пастырей и паству. «Формирование священнических династий, – пишет А.В. Камкин, – наследственная передача мест <...> сохраняли сходство жизненного круга крестьянина и сельского священника, создавали особые условия для пастырской практики» [20, с. 32]. Противоречий между прихожанами и клиром в вопросах наследования мест, скорее всего, не возникало. Миряне сами старались избирать на должности тех кандидатов, которые были им хорошо известны. Прихожане церкви Николая чудотворца Ялгубской выставки не приняли направленного в их приход епископом Олонецким и Каргопольским пономаря на том основании, что, как

говорилося в прошенні, «о состоянии произведенного пономаря Моисея Кузмина никак знать не можем, для того и принять его, тем более что произведен без всякого выбора, не желаем». Вторым аргументом стало наличие «достойных к исправлению пономарской должности священно- и церковнослужительских детей», выросших на глазах у прихожан. Синод, которому крестьяне адресовали жалобу, передал дело на рассмотрение местного архиерея. Епископ перевел своего ставленника в другое место, согласившись с требованиями прихожан [36, л. 7].

Прослеживается и обратная тенденция. Вывод о стремлении крестьян подбирать причт приходской церкви таким образом, чтобы в его состав не входили родственники, подтверждается данными клировых ведомостей начала XIX в. В Олонецкой епархии численность «уроженцев тутошних» (тех, кто родился в приходе, в который впоследствии были рукоположены) составила 81 человек из 137 священно- и церковнослужителей, о которых сохранились сведения. В их числе: священников – 25, дьяконов – 9, пономарей – 22, дьячков – 13 [22, л. 1-65]. Оценивая данную проблему, А.В. Камкин полагает, что «еще в середине века в приходском клире Севера царила обстановка "кадровой стабильности" и доминировала практика долголетнего, пожизненного служения на одном месте» [19, с. 103]. Материалы Олонецкой епархии позволяют выявить более сложную картину. Ни один из принципов подбора духовенства не возобладал. С одной стороны, ставка на «уроженцев тутошних» порой становилась невозможна из-за отсутствия священно- и церковнослужительских вакансий. С другой стороны, избрание «пришлецов», выросших в других приходах) смущало крестьян: приходилось доверяться малознакомым, вчера еще совсем посторонним людям.

Другим вариантом приходских традиций, способных, по мнению ряда исследователей, ограничить права прихожан свободно выбирать духовенство, оставалась в XVIII – начале XX вв. передача мест в приданое. П.В. Знаменский утверждает: «по причине бедности духовенства, по которой оно редко могло снабжать своих дочерей достаточным приданым, зачисление мест за

духовными девицами считалось всегда удобным средством выдать их замуж». Отсутствие приданого «способствовало к сильному умножению наследных мест, зачисленных именно за наследницами, а не за наследниками» [13, с. 133]. Сведения о передаче мест в приданое, сохранившиеся в архиве Олонецкой духовной консистории, довольно разноречивы. Из некоторых указов видно, что такая практика поддерживалась на официальном уровне. В 1788 г. Олонецкая духовная консистория, как видно из ее указа, распорядилась, в ответ на прошение дьяконской вдовы Марфы Дмитриевой, «на праздное при означенной Николаевской церкви дьяконское место из действительных дьячков или пономарей достойна в мужа приискать». «По приискании, не вступя в брак, для свидетельства Его Преосвященству прислать» [48, л. 1]. Причины уступчивости епископа, на мой взгляд, – в специфике ситуации. Вдова указывала в прошении, что в случае несогласия архиерея ее ждет печальная участь «скитатца и по миру волочитца» [34, л. 4]. Косвенные, но вполне ясные намеки на то, что передача священнических мест в приданое сохранялась до конца XIX в. имеются в материалах делопроизводства. В Салменижском приходе местный настоятель церкви «проживает в доме тестя, умершего священника Островского» [4, л. 38].

Во всех случаях, вплоть до конца XVIII в., архиереи считали необходимым, чтобы в ставленническом деле присутствовал «выбор» от прихожан. О приоритете «мирских людей» в формировании клира свидетельствуют и случаи «уступки» священно- и церковнослужительских мест. Передача места на заранее оговоренных условиях не встречается в документах XIX – начала XX вв., но в XVIII в. она имела место. Как явствует из доношения в адрес консистории, в 1770 г. священник Петропавловской выставки Олонецкого уезда совместно «с причетники и с приходскими людьми» избрал на свое место зятя Сидора Андреева, «который живет с ним, священником, в одном доме, и он, священник, то священническое место ему уступает». Условия, которые оговаривались в документе, заключались в следующем: «когда во священника он, Сидор, произведен будет, то как ево, священника Алексеева, так и жену ево питомством (продуктами питания –

М.П.), одеждою и прочими потребностями [обязан] снабжать». Здесь же содержалось указание на то, что соответствующий договор между священником и его преемником заключен непосредственно в консистории [9, л. 2].

Наследственное владение церковным местом «шло вразрез с каноническими требованиями православия». Церковные власти в России «долго боролись с этим». Но «жизненные обстоятельства оказывались чаще всего сильнее» [25, с. 100]. Принято считать, что окончательно наследование мест запретили в ходе церковных реформ 1860-1870 гг., когда перестали существовать «все наследственные, семейные притязания на служебные места в церкви» [25, с. 106]. Отныне прежний порядок соблюдался тайком от центральной власти. Многие архиереи «из сочувствия к духовным лицам, которые после отставки оказались без средств существования, или из жалости к осиротевшим семьям продолжали признавать семейные претензии духовенства на наследование церковной должности» [25, с. 107]. В 1867 г. наследственная передача церковно-приходских должностей была отменена. Два года спустя законодатель разрешил детям духовенства покидать сословие с сохранением личных привилегий [8, с. 235-236]. Современные исследователи отмечают подобные закономерности в порядке замещения вакансий при церквях во многих других российских епархиях в течение всего XIX в. С.В. Кузнецов подчеркивает исключительную распространенность рассматриваемой традиции: «Практика наследственного замещения должностей распространялась на все церковные должности, включая просвирниц» [23, с. 173]. Другой исследователь приходской жизни, А.Н. Розов, отмечает благотворное, стабилизирующее влияние указанного феномена на жизнь прихода. Ведь наследование мест привело к «возникновению целых священнических династий, служивших в одном храме по сто и более лет» [40, с. 30]. Другие ученые высказываются аналогичным образом: «Сохранению замкнутости сословия способствовал и наследственный принцип замещения церковных должностей» [56, с. 94].

Традиция наследования священно- и церковнослужительских мест оставалась важным и стабильным элементом духовной жизни. Но и она не могла оказать заметного воздействия на права прихожан. Во-первых, преимущества наследника вовсе не освобождали кандидата на должность в составе клира от обращения к прихожанам за «выбором», а в дальнейшем к епископу за рукоположением. Во-вторых, принцип наследования не противоречил мирским традициям, а скорее дополнял их. В-третьих, количество наследников, занявших отцовские должности, в Олонецкой епархии оставалось незначительным. Но проявилась и обратная тенденция. Иногда крестьяне стремились подобрать священно- и церковнослужителей таким образом, чтобы все представители духовенства их прихода не являлись родственниками. Такая практика противоречила вполне понятному желанию крестьян в подробностях знать биографию претендента на должность в составе клира их церкви.

В XIX в. возможности административного контроля над формированием клира расширились, но здесь реформа давалась нелегко. Крестьяне, построив на свои деньги церковь и обеспечив причт, явно считали себя вправе решать любые спорные вопросы по собственному усмотрению, без постоянной оглядки на консисторию и епископа [24, с. 736]. Материалы делопроизводства не содержат сведений о том, насколько учитывались мнения крестьян, и как преодолевалось сопротивление крестьянского мира при решении вопроса о заполнении церковных вакансий. Одно из типичных дел, из материалов которого видно, что вопросы заполнения вакансий решались в консистории, датировано мартом 1823 г. К епископу обратился воспитанник Свирского приходского училища, исключенный из него «за неспособностью к преодолению впредь высших наук». Бывший учащийся просил об определении его на «праздное пономарское место» в Святнаволоцком приходе. После изучения всех необходимых документов претендент получил искомое место [35, л. 1].

Открытие в июле 1829 г. Олонецкой духовной семинарии помогло изменить к лучшему ситуацию в сфере подготовки духовенства и в значительной мере решить кадровые проблемы. В семинарии изучали 28 дисциплин, в том числе карельский язык. Судя по значительному объему программы учебных занятий, Олонецкая духовная семинария «уже в первое 50-летие существования давала своим слушателям не только богословское, но и весьма разностороннее светское образование» [32, с. 40]. За 1829-1879 гг. Олонецкую духовную семинарию окончили 764 воспитанника. Многие выпускники, зная о незавидной участи приходских священников, стремились поступить в светские учебные заведения или «избрали светскую карьеру» [32, с. 40]. В 1861 г., обнаружив значительное число незанятых мест в приходских церквях епархии, олонецкий преосвященный обратился не к прихожанам, а к новгородскому коллеге, который немедленно откликнулся и оказал кадровую помощь. Несколько выпускников Новгородской семинарии прибыли в епархию и незамедлительно были «определены на места, где в них была нужда» [29, л. 27]. Местное духовное начальство решало не только вопросы назначения на должности, но и осуществляло понижения в духовном сане. В 1863 г. указом консистории «за неисправность в поведении и знании» дьякон Стефан Васильев Попов «низведен на должность пономаря при той же церкви» [3, л. 17, об.]. Иногда решения принимались на основе требований коллег-священников или, что более вероятно, на основании их доносов. В 1899 г. один из священников Лодейнопольского прихода был переведен в Линдозеро на вакансию псаломщика. Как указывалось в журнале консистории, он направлен «в такой приход, где нет казенной винной лавки, столь вредной ему» [11, л. 14].

Особенно внимательно отслеживалось состояние образованности претендентов на священнические места. По данным 1900 г. большая часть священников имела полное семинарское образование. Дьяконы и псаломщики, как правило, оканчивали духовное училище. Учитывая, что далеко не все выпускники семинарии выбирали духовную стезю, иногда, «в редких, впрочем, случаях», епископ рукополагал в священники и не имеющих семинарских

дипломов претендентов на места в составе клира [30, л. 2]. Как говорилось в отчете о состоянии епархии за 1900 г., лица, имеющие неполное семинарское образование», получали священный сан за особые заслуги: «по вниманию к их прежней долголетней и беспорочной службе, благонадежности в нравственном отношении, замеченной способности к прохождению пастырского служения» [30, л. 28]. В 1912 г. обер-прокурор Синода обобщал наблюдения архиереев следующей фразой: «По степени образования епархиальное духовенство представляет из себя довольно разнородную массу от лиц с высшим образованием до лиц малообразованных» [6, с. 161]. Кадровый голод стал общероссийской проблемой. Судя по отчету обер-прокурора Синода за 1911-1912 гг., «очень многие преосвященные отмечают в своих отчетах трудность замещения освобождающихся вакансий богословски образованными пастырями» [6, с. 162]. В то же время, судя по отчетам благочинных, духовное начальство в начале XX в. считало важным делом подбор священников из числа выпускников семинарии. Консистория и духовные правления с недоверием относились к тем, кто не имел полноценного, завершеного богословского образования. Как говорилось в отчете благочинного 2-го округа Олонецкого уезда, «лица, получившие полное богословское образование, не могут не быть признаны достигшими достаточной степени умственного развития и духовного просвещения для достойного прохождения своих пастырских обязанностей». Однако «лица, вышедшие из низших классов духовно-учебных заведений, оставляют желать очень многого, чтобы образование их можно было признать удовлетворительным» [28, л. 20].

В начале XX в. порядок заполнения вакансий при приходских церквях поставили на новую, практическую почву. В 1906 г. епископ Мисаил распорядился, чтобы отныне все освобождающиеся в епархии священнические, дьяконские и псаломщицкие места «объявлялись по епархии вакантными на месяц для предоставления всем желающим занять то или другое свободное место». Сведения об имеющихся в епархии вакансиях следовало публиковать в прессе. Одновременно благочинные получили предписания заботиться о

назначении «входящих священников», обязанных временно вести богослужения и исполнять требы до того момента, когда появятся желающие занять вакансию при приходской церкви [37, с. 147-150]. Использование такого способа решения кадровых проблем подвергалось вполне обоснованной критике в епархиальной печати [33, с. 45-47]. Год спустя, в 1907 г. священники жаловались на возникающие проблемы: «многие и желали бы занять место, но не знают о нем» [57, с. 342]. Принимаемые меры не всегда приносили успех. По данным 1914-1915 гг. в епархии сохранялись шесть священнических, два дьяконские и семь псаломщических вакансий [43, с. 376]. Старая мысль о том, что за прихожанами должно сохраняться право выбора духовенства, не исчезла в начале XX в. На чрезвычайном собрании духовенства и мирян в 1917 г. священник Ф. Утицын от имени местной Комиссии о приходе заявлял о следующем, достойном, на его взгляд, порядке заполнения церковных вакансий: «Приход избирает кандидатов для замещения всех членов причта, представляя их на утверждение епископа» [12, с. 88].

Вся совокупность имеющихся ставленнических дел XVIII – начала XX вв. позволяет сделать вывод: возможности административного воздействия основывались на специфике взаимоотношений между епископом и белым духовенством. Священнослужитель мог исполнять «мирские требы» только после рукоположения. Обращает на себя внимание аргументация при отказах в «произведении» на должности в составе клира. Крайне редко встречается отказ из-за недостаточного обеспечения приходского духовенства. В основном страдают не прихожане, вынужденные, в случае отказа, гарантировать дополнительную землю или ругу, а представители духовного сословия. В течение всего изучаемого периода наиболее осязаемое давление «сверху» – со стороны консистории и Синода – и «снизу» – со стороны прихожан – испытывает духовенство. Свобода прихожан избирать клир и по собственному усмотрению назначать ругу и отводить землю не подвергалась корректировке вплоть до отмены соответствующей статьи Духовного регламента на рубеже XVIII и XIX вв. Затем заполнение вакансий целиком оказалось в руках

епархиального начальства. Его усилия оказались ненамного более эффективными, чем свободная деятельность крестьянского самоуправления.

Список литературы:

1. Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719-1728 гг. Л.: Наука, 1982. 296 с.
2. Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 416 с.
3. Ведомость о приписной кладбищенской церкви во имя святого великомученика Георгия, в деревне Кухнечихе // Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 25. Оп. 12. Д. 50/9. Л. 1-17 об.
4. Ведомость о церкви во имя святого пророка Илии, находящейся в Олонецкой епархии Петрозаводского уезда в Салменижском приходе за 1883 год // НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 26/267. Л. 30-38.
5. Ведомости Новгородского архиерейского дома о школах и бывших в 1740 г. учениках // Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб.: Синодальная типография, 1908. Т. 20. № 596. С. 231-232.
6. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911-1912 гг. СПб.: Синодальная типография, 1913. 230 с.
7. Вишленкова Е.А. Духовная школа в России первой четверти XIX века. Казань: Изд-во Казанского университета, 1998. 178 с.
8. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об общих средствах призрения для всего служащего при церквях духовенства» от 22 мая 1867 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Типография Сената, 1870. Т. 42. Отд. 1. № 44610. С. 235-236.
9. «Доношение» священника Петропавловской выставки Олонецкого уезда // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 51. Д. 106. Л. 2.

10. Духовный регламент. М.: Синодальная типография, 1897. 124 с.
11. Журнал Олонецкой духовной консистории // НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 112/2293а. Л. 14.
12. Журналы чрезвычайного съезда духовенства и мирян Олонецкой епархии. 17-25 июня 1917 года. Петрозаводск: Олонецкая губернская типография, 1917. 224 с.
13. Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873. 810 с.
14. Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1981. 184 с.
15. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX в.). М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.
16. Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к Уставу духовных консисторий и Своду законов) с историческими примечаниями и приложениями. Справочная книга. СПб.: Синодальная типография, 1883. 365 с.
17. Ивановский Я. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. Краткая история монастыря с приложением важнейших документов. СПб.: Типография М. Меркушева, 1901. 95 с.
18. Именной указ, данный Коллегии экономии, «Об отпуске на заведение и содержание семинарий в епархиях Славянской и Олонецкой на каждую по 2000 рублей ежегодно» // ПСЗРИ. СПб.: Типография Сената, 1830. Т. 20. № 14 921. С. 868.
19. Камкин А.В. Севернорусский сельский приход XVIII века: пространство, населенность, клир // Культура Русского Севера: Межвузовский сборник научных трудов. Вологда: Русь, 1994. С. 91-107.
20. Камкин А.В. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII в.: автореф. дис. ... докт. ист. наук: спец. 07.00.07 – этнография. М., 1993. 24 с.

21. Карташов А.В. Очерки по истории русской церкви. М.: Терра, 1992. Т. 2. 686 с.
22. Клировая ведомость за 1811 год // НА РК. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 1–65, об.
23. Кузнецов С.В. Православный приход в России в XIX в. // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX вв. М.: Наука, 2002. С. 1560–178.
24. Листова Т.И. Религиозно-общественная жизнь: представления и практика. // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2004. С. 725–747.
25. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 348 с.
26. Никольский Н.М. История Русской Церкви. М.: Изд-во политической литературы, 1983. 448 с.
27. Обязательство прихожан Задней Салменижской выставки церкви Илии Пророка // РГИА. Ф. 796. Оп. 60. Д. 278. Л. 1.
28. Отчет благочинного 2 округа Олонецкого уезда за 1902 год // НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/96. Л. 15–20 об.
29. Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1861 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 61. Л. 1–67 об.
30. Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1900 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1850. л. 1–76.
31. Папков А.А. Упадок православного прихода (XVIII–XIX вв.). Историческая справка. М., 1899. 166 с.
32. Пашков А.М. Олонецкая духовная семинария и ее вклад в формирование интеллигенции Карелии // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1994. С. 40.
33. Петров Ю. К вопросу о входящих священниках // Олонецкие епархиальные ведомости (ОЕВ). 1909. № 2. С. 45–47.

34. Прощение дьяконской вдовы Марфы Дмитриевой // РГИА. Ф. 796. Оп. 62. Д. 175. Л. 4.
35. Прощение от исключенного ученика Свирского приходского училища Ефима Езерского // НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 32/17. Л. 1.
36. Прощение прихожан церкви Николая чудотворца Ялгубского прихода // РГИА. Ф. 796. Оп. 61. Д. 314. Л. 7.
37. Постановления Олонецкой духовной консистории // ОЕВ. 1906. № 4. С. 147–150.
38. Прощение дьякова сына Ивана Ерофеева // РГИА. Ф. 796. Оп. 52. Д. 256. Л. 33.
39. Прощение крестьян Яндомозерского прихода // НА РК. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1/6. Л. 2.
40. Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб.: Алетейя, 2003. 255 с.
41. Руновский Н. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. Казань, 1898. 332 с.
42. Русское православие: вехи истории. М.: Политиздат, 1989. 718 с.
43. Свободные места // ОЕВ. 1915. № 20. С. 376.
44. Указ Новгородской духовной консистории (1755 г.) // РГИА. Ф. 796. Оп. 36. Д. 206. Л. 14.
45. Указ Олонецкой духовной консистории (1751 г.) // Архив Санкт-Петербургского института истории. Ф. 3. Оп. 1. Картон 22. Д. 2. Л. 19.
46. Указ Олонецкой духовной консистории (1779 г.) // РГИА. Ф. 796. Оп. 60. Д. 278. Л. 1.
47. Указ Олонецкой духовной консистории (1781 г.) // Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 9. Д. 1. Л. 184.
48. Указ Олонецкой духовно консистории (1788 г.) // РГИА. Ф. 796. Оп. 62. Д. 175. Л. 1.

49. Указ Синода о создании семинарии в Александро-Свирском монастыре // РГИА. Ф. 796. Оп. 62. Д. 15. Л. 5.

50. Указ Синода о порядке заполнения вакансий при церквях в Олонецкой епархии (1782 г.) // РГИА. Ф. 796. Оп. 62. Д. 15. Л. 6.

51. Указ Синода «О неумножении сверх потребности священников и причетников при церквях // ПСЗРИ. СПб.: Типография Сената, 1830. Т. 20. № 14 807. С. 752-753.

52. Указ Синода «О соединении Олонецкой епархии с Архангельской» // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи (ПСПИР). Т. 2. Пг.: Синодальная типография, 1915. № 1328. С. 124-125.

53. Указ Синода «О распределении церковнослужителей и детей их по церквам; о порядке перемещения их епархиям в епархию и о назначении излишних, за распределением, в другие звания по их желанию» // ПСПИР. СПб.: Синодальная типография, 1897. Т. 4. № 1401. С. 103-104.

54. Указ Синода «О штате церковнослужителей при соборах и приходских церквях и о положении излишних и безместных в подушный оклад» // ПСЗРИ. СПб.: Типография Сената, 1830. Т. 6. № 4 072. С. 756-757.

55. Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700-1917 гг. М.: Русская панорама, 2003. 480 с.

56. Фот А.Г. Правовой статус приходского православного духовенства во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (14). С. 92-103.

57. XVI общепархиальный съезд духовенства Олонецкой епархии // ОЕВ. 1907. № 13. С. 342.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.